

Т.Н. Филимонова

ТРАГЕДИЯ РЕФОРМАТОРА В РОМАНЕ НГУЕН СУАН КХАНЯ «ХО КУИ ЛИ»

С конца прошлого века во вьетнамской литературе, причем, как во Вьетнаме, так и в диаспоре, наблюдается повышенный интерес к теме исторического прошлого страны. Свидетельством этому является целый ряд появившихся один за другим крупных, часто многотомных, исторических романов, таких как, роман Нгуен Монг Зиака (Nguyễn Mộng Giác) «Река Кон в период половодья» (Sông Côn mùa lũ), в центре которого времена Тэй-шонов, роман Ву Нгок Диня (Vũ Ngọc Đĩnh) «Двенадцать шыкуанов» (Mười hai sứ quân), посвященный событиям X в., роман Хоанг Куок Хая (Hoàng Quốc Hải) «Бурные времена эпохи Чан» (Bão táp triều Trần), роман Нгуен Кхак Фука (Nguyễn Khắc Phục) «Столица Дракона» (Kinh đô Rồng), рассказывающий о начальном периоде становления династии Ли, и произведения многих других писателей. В этом же ряду находится и исторический роман Нгуен Суан Кханя¹ «Хо Куи Ли», вышедший в Ханойском издательстве «Фу Ны» в 2000 г.

Этот объемный — 834-страничный — роман сразу же привлёк к себе внимание, как в литературоведческих, так и в читательских кругах. Об этом свидетельствует тот факт, что почти сразу же по выходе в свет он был удостоен премии Союза писателей Вьетнама за роман 1998—2000 гг. и премии Союза писателей Ханоя за 2000—2001 гг., а также к нашему времени выдержал более десяти переизданий.

В центре произведения Нгуен Суан Кханя — подлинные и вымышленные события и персонажи вьетнамской истории с конца XI в., то есть времени заката династии Чан (XIII–XIV вв.), до приблизительно 1400 г.

Как следует из названия романа, главный герой его — один из крупнейших вьетнамских реформаторов эпохи средневековья Хо Куи Ли (1336—1407), который именно в это время постепенно сосредоточил в своих руках реальную власть и в 1400 г., низложив династию Чан, основал собственную династию Хо, просуществовавшую до 1407 г. При этом, как известно, фигура Хо Куи Ли и его правление оцениваются достаточно противоречиво, что следует из официальной вьетнамской историографии и даже из художественной литературы².

Кроме того, в романе фигурирует целый ряд как подлинных исторических персонажей, так и вымышленных. Среди подлинных исторических персонажей: вторая жена Хо Куи Ли — принцесса Хуи Нинь (Huy Ninh); старший сын Хо Куи Ли — Нгуен Чынг (Nguyễn Trùng), первая жена Нгуен Чынга и дочь врага Хо Куи Ли высокопоставленного сановника Чан Нгуен Ханга (Trần Nguyên Hạng); император Чан Нге Тон (Trần Nghệ Tông), его сын и наследник — Тхуан Тон (Thuận Tông); жена Тхуан Тона и дочь Хо Куи Ли — Тхань Нгау (Thánh Ngẫu); знатный сановник Чан Кхат Тян (Trần Khát Chân), который в то же время является спасителем и приемным отцом вымышленной возлюбленной Нгуен Чынга по имени Тхань Май (Thanh Mai); монах и предводитель народного восстания Фам Шы Он (Phạm Sư Ôn) и некоторые другие персонажи, например, крупный чиновник и поэт Нгуен Фи Кхань (Nguyễn Phi Khanh), его сын — выдающийся государственный деятель и поэт Нгуен Чай (Nguyễn Trãi) и т. д.

К вымышленным персонажам относятся возлюбленная Нгуен Чынга — певица Тхань Май (Thanh Mai); верный сторонник Хо Куи Ли и друг Нгуен Чынга — Нгуен Кан (Nguyễn Cẩn); сын монаха Фам Шы Она — школяр Фам Шинь (Phạm Sinh); историк-летописец Шы Ван Хоа (Sử Văn Hoà), дочь которого стала женой Фам Шиня, и некоторые другие.

У каждого из них свои личные истории, которые в той или иной степени отражены в романе и в то же время тесно пере-

плетаются друг с другом. Так, история самого Хо Куи Ли в подробностях прослеживается в романе от рождения и до 1400 г., включая первую женитьбу, трогательные отношения со второй женой, взаимоотношения с двумя совершенно разными по характеру сыновьями, дочерью, маленьким внуком, императорами, при которых он служил, своими сторонниками и противниками. На протяжении всего повествования мы видим, как Хо Куи Ли упорно движется к своей цели — сосредоточить в своих руках власть для проведения необходимых для дальнейшего развития страны реформ и основать собственную династию, но при этом путь его трагичен.

Истории остальных персонажей также даются как достаточно полные жизнеописания, но к концу романа каждая имеет свое завершение. Любимая вторая жена Хо Куи Ли, ревностная буддистка, медленно умирает от переживаний за мужа. Вынужденный расстаться с возлюбленной, как верный сын, решает остаться при отце Нгуен Чынг, хотя он и предвидит весь трагизм и безысходность ситуации. В душевных муках из-за неспособности удержать власть в руках дома Чан уходит из жизни старый Нге Тонг. Неспособный править страной, под давлением Хо Куи Ли сначала уходит в даосские отшельники, а затем и из жизни молодой Тхуан Тон. Не жалея своего трехлетнего внука, Хо Куи Ли настойчиво готовит его к церемонии интронизации. Из-за смерти мужа и боязни за судьбу маленького сына, ставшего жертвой амбиций отца, чахнет дочь Хо Куи Ли. После подавления крестьянского восстания казнен его предводитель монах Фам Шы Он. В результате провала антихокуилисского заговора повешен Чан Кхат Тянь. Страшной смертью погибают летописец Шы Ван Хоа и его верная жена. И только Фам Шинь, сын Фам Шы Она, и дочь Шы Ван Хоа скрываются от преследований, обрекая себя на скитальческую, но свободную жизнь под чужими именами.

Композиционно действие романа «закольцовано» между первой и последней, тринадцатой, главой, которые названы соответственно «Праздник присяги в Донгко» (Hội thề Đồng Cỏ) и «Праздник присяги в Доншоне» (Hội thề Đón Sơn).

В первой главе подданные приносят присягу на верность престарелому императору Чан Нге Тонгу, а в последней должны

присягнуть малолетнему императору-наследнику, внуку Хо Куи Ли. Первое событие происходит в Тханглонге, а второе во вновь построенной Хо Куи Ли новой столице Тэйдо.

В самом начале романа говорится, что император Чан Нге Тонг решил устроить этот ежегодный праздник с церемонией присяги торжественнее, чем обычно, из-за сложного положения страны как внутри, так и за ее пределами. В романе говорится: «Чамские войска во главе с императором Те Бонг Нга несколько раз совершали опасные набеги на страну, подходя вплотную к столице. Зависимые крестьяне под предводительством монаха Фам Шы Она подняли восстание и в течение трех дней бесчинствовали в Тханглонге. Император Чан Зюэ Тонг потерпел поражение во время похода на Чампу. Император Чан Фе Де был смещен императором-наставником Чан Нге Тонгом и убит. Сам Чан Нге Тонг оставался императором-наставником при трех императорах из дома Чан, в конце концов, посадив на престол своего младшего сына Чан Тхуан Тонга. Иными словами, при крайне нестабильном положении страны власть находилась в руках старого императора и его малолетнего наследника. В то же время с каждым днем возрастало могущество первого министра Хо Куи Ли»³. В романе этого-то могущества и боялись старый император и значительная часть его подданных.

Праздник же присяги в Доншоне проходил в уже совершенно других условиях, а именно, после смерти императора Чан Нге Тонга, когда власть в стране была окончательно выпущена из рук правящей династии и благодаря хитрым козням Хо Куи Ли фактически перешла к нему. Но праздник не удался, потому что Хо Куи Ли вместе со своими сторонниками раскрыл заговор, целью которого было его убийство. В результате заговорщики и их сторонники были разоблачены и казнены, а Хо Куи Ли одержал очередную победу.

Основанный на подлинных исторических событиях, зафиксированных во вьетнамских летописях, с множеством подлинных исторических персонажей, роман в то же время содержит и много вымысла, что вполне естественно для исторического романа, поскольку вымысел позволяет облечь сухие исторические факты в живую плоть. Но это же дает возможность автору трак-

товать события и оценивать персонажей, ставить вопросы исторического и иного характера. Благодаря чему, роман может быть рассмотрен с разных точек зрения, например, таких как, соотношение исторической правды, в том виде, в каком она нам известна, и авторского вымысла; проблема власти вообще и власти в конфуцианстве; взаимоотношения Вьетнама с северными и южными соседями, то есть с Китаем и с Чампой; конфуцианство, буддизм и даосизм во вьетнамском обществе в эпоху Чан и многих других. Одна из возможных тем, вытекающих из романа, трагедия Хо Куи Ли как реформатора.

В романе Хо Куи Ли описывается, прежде всего, как человек умный, образованный, честолюбивый, волевой, коварный и жестокий, который во времена очевидного упадка династии Чан постепенно сосредоточил в своих руках всю власть, чтобы проводить важные реформы в стране для возрождения ее былого величия, причем любыми средствами. Например, в экономической сфере он ограничил земельные владения и количество зависимых крестьян вьетнамской аристократии; для решения финансовых вопросов страны ввел в обращение бумажные деньги; будучи конфуцианцем и борясь с властью буддийских монастырей, принудил огромное количество буддийских монахов вернуться к мирской жизни, чтобы реальным трудом приносить пользу обществу, и тому подобное. Его преобразования затронули армию и конкурсные экзамены. Чтобы обезопасить свои тылы, он решил перенести столицу из Тханглонга к себе на родину и построить там новый величественный город Тэйдо. Но, к сожалению, его реформаторские идеи не были поняты и поддержаны. Они вызвали мощную оппозицию, главным образом, в среде аристократии и служилого конфуцианства, которые, не надеясь побороть его своими силами, стали искать поддержки у внешнего врага: то у чамов, то у китайской династии Мин. Поэтому Хо Куи Ли в романе крайне одинок. Мысль о его одиночестве неоднократно подчеркивается в романе. Например, старший сын Хо Куи Ли Нгуен Чынг говорит: «Я увидел в глазах отца мольбу ... и вдруг осознал, что он ужасно одинок. Можно сказать, что это было одиночество предателя, замыслившего захватить трон, а можно, что и одиночество человека, вершащего

большие дела»⁴. Или автор пишет: «... когда умерла жена, Хо Куи Ли почувствовал, насколько он одинок, и это чувство доводило его до головокружения. Но ведь одиночество верный спутник таких людей, как он. Так что своим одиночеством он даже и гордился. Более того, он думал, что должен быть одинок. Только так он сможет совершить в этой жизни великие дела»⁵.

Даже близкие люди, понимая одиночество Хо Куи Ли, его жалеют. Прежде всего, его вторая жена, принцесса Хуи Нинь. А вот как описываются размышления о Хо Куи Ли Нгуен Чынга, человека совершенно иного, по сравнению с отцом, склада характера: «На самом деле Чынг очень хорошо понимал замыслы своего отца. Тот хотел найти для страны настоящее спасительное средство. При этой мысли его сердце охватила волна сочувствия к отцу, полного и восхищения и жалости одновременно... Чынг отнюдь не был наивен. Он хорошо знал, какие слухи ходят об его отце среди чиновничества и в простом народе. Говорят, что отец его коварен. Сеет смуту. Вынашивает изменнические замыслы. ... А тот на самом деле хочет найти спасительное средство! Что это — благое намерение или, как говорят люди, хитрые слова? <... > Иллюзии отца или его чрезмерные амбиции? Именно в этом заключается его трагедия, его беда. Спасительное средство! Кто же ему поверит? Народ? Чиновничество? Старый император Нге Тонг? Я? Или его единомышленники? Они что, идут за ним ради поисков спасительного средства?»⁶.

Зная крайнюю подозрительность отца и страшая его репрессий, Нгуен Чынг сжигает попавшую к нему книгу неизвестного, как говорится в романе автора, под названием «Дивные повествования земли Линь Нам» (Linh Nam chich quai), являющуюся редким образцом вьетнамской средневековой прозы. В книге содержится предание, направленное против его отца, о злом духе в обличье девятихвостого лиса — Хо тине. По народному преданию, в глубокой древности этот дух обитал на западе Тханглонга, но после того как победу над ним одержал Государь — Дракон Лак, в том месте образовалось нынешнее Западное озеро⁷. В книге же это предание имело продолжение, в котором было написано, что у злого лиса было 9 сыновей, Государю-Дракону Лаку удалось уничтожить восьмерых, а девятый

сбежал. Он-то и есть Хо Куи Ли⁸. Иными словами, Хо Куи Ли — живое воплощение злого духа⁹.

Из истории известно, что Хо Куи Ли, сам будучи конфуцианцем, пытался провести в стране не только экономические и другие преобразования, но и осмелился посягнуть на конфуцианство, позволив себе критиковать учение и его основоположников. Именно этому вопросу в романе посвящено основное место.

Сначала резкое неприятие у образованного сословия вызывают два произведения Хо Куи Ли, написанные им на «номе», вьетнамском иероглифическом письме, и представляющие собой переводы и толкования из конфуцианского Пятикнижия, а именно, Книги песен (Kinh Thi) и Книги преданий (Kinh Thu). Самым смелым из оппонентов Хо Куи Ли оказывается подлинное историческое лицо, конфуцианец Доан Суан Лой (Đoàn Xuân Lôi), служивший преподавателем в Школе сынов отечества (Куок Ты Зиам) и имевший репутацию правильнейшего, ортодоксальнейшего конфуцианца. Он пишет императору Нге Тонгу возмущенное послание. Но Нге Тонг, сам поддерживавший это начинание, показывает послание Хо Куи Ли. После чего Хо Куи Ли с горечью думает: «Как же жалки наши лауреаты конкурсных экзаменов! Несмотря на всю свою образованность, они только и умеют, что собирать и переписывать мысли людей прошлого. Не печально ли это!»¹⁰.

А несколько позднее, в 1392 г. Хо Куи Ли завершает свой известный труд «Минь Дао» (Minh Đạo, «Ясный путь»), который был «мечтой всей его жизни». В романе этот труд характеризуется как «дерзкий», потому что критикует самого Конфуция за некоторые его поступки, а также ряд других теоретиков конфуцианства и неоконфуцианства за их «учение о принципах» (Lý học). Как известно, само это сочинение не сохранилось и о его содержании можно судить лишь по упоминаниям в других источниках. Например, в «Полном собрании исторических записок Дайвьета» Нго Шы Лиена про него сказано следующее: «Хо Куи Ли сочинил «Минь Дао» в четырнадцати главах и представил на высочайшее имя. Коротко говоря, речь там шла, о том, что Чжоу-гуна следует признать первым мудрецом, а Кун-цзы — только первым учителем; что в Храме культуры Чжоу-гун дол-

жен занимать центральное место с обращенным к югу лицом, а Кун-цзы — боковое место с лицом, обращенным к западу; что в «Лунь юэ» есть четыре сомнительных места из разряда таких, например, как встреча Кун-цзы с Нань-цзы; как истощение продовольствия в царстве Чэнь; как приглашение Гунн-шань Фу Жао и Би Си и желание философа отправиться к ним. Хань Юя он называл торгашем в ученой мантии. Что же касается таких последователей Конфуция, как Чжоу Маошу, Чэн Хао, Чэн И, Ян Ши, Ло Чжунси, Ли Яньпин, Чжу — цзы, то он называл их многоучеными, но бездарными, говорил, что, не понимая существа дела, они старательно занимались плагиатом»¹¹.

В романе же говорится, что по мнению Хо Куи Ли, все эти теоретики конфуцианства — «пустые фантазеры, не думающие о насущных, житейских делах. Возможно, они умны, хорошо образованы, но их теории совершенно бесполезны для народа нашего Дай Вьета»¹². И он с восхищением приводит в пример императора Чан Минь Тонга (годы правления 1314—1329), который отверг совет двух известных конфуцианцев времен своего правления Ле Куата (Lê Quát, первая половина XIV в.) и Фам Шы Маня (Phạm Sư Mạnh, первая половина XIV в.) провести изменения в стране по китайскому образцу со словами: «В нашей стране уже есть свои устои. Юг и Север слишком разные. Если мы будем следовать за китайскими конфуцианцами ((bách diện thư sinh, букв. «белолицыми учениками»)) в поисках путей развития, это может привести к большой смуте»¹³.

В романе после прочтения книги император Чан Нге Тонг издает указ, в котором хвалит ее как раз за подчеркивание различий между своей страной и северным соседом: «Мы полагаем, что Юг и Север действительно разные. Возьмем для примера наших предков. Чан Нян Тонг дважды одерживал блестящие победы над Нгуенами и при этом не забывал о традиции древних Лак вьетов татуировать тела изображениями дракона; в старости он же основал тхиен-школу «Бамбуковый лес» и стал Бодхисаттвой только на нашей земле. Или Чан Хынг Дао, который в пух и прах разбил врагов, заставив северян дрожать от страха. И наш отец, мудрейший император Минь Тонг, тоже не стал следовать за китаицами, чтобы не поколебать установления наших предков.

Сейчас, прочитав сочинение «Минь Дао», я вижу, что оно исполнено духом нашей земли. Совершенномудрые жили давно, а мы живем сейчас. Совершенномудрые жили на Севере, а мы живем на Юге. Поэтому не следует копировать древние времена, чтобы не навредить настоящему. Не следует подражать северянам, чтобы не испортить обычаев нашей страны....»¹⁴.

Это сочинение Хо Куи Ли вызвало еще более бурную реакцию среди образованного сословия. В лагере сторонников Хо Куи Ли его горячо одобряли. Хвалебно отозвался о «Минь Дао» Нгуен Фи Кхань, который в своем письме Хо Куи Ли, написал, что в нем «... каждая строчка, каждый иероглиф написаны кровью и выражают мечту о том, чтобы страна была сильной, а народ богатым (nước mạnh dân giàu — как известно, это популярный лозунг времен вьетнамского «Обновления» после 1986 г. Т.Ф.) и чтобы наш Юг был просвещенным...»¹⁵. В романе восхищены сочинением младший сын Хо Куи Ли, Хо Хан Тхьонг (Hồ Hán Thương), и его молодой сподвижник Нгуен Кан. Первый сравнивает сочинение отца с «жемчужиной, переливающейся перед глазами» и благодарит отца за то, что тот дал ему не только жизнь, но и возможность «ясно видеть звезды над дорогой», по которой он идет¹⁶. Второй же говорит: «Что такое Минь Дао? Это путь мудрого правителя (minh chủ). Мне посчастливилось жить рядом с таким мудрым правителем. И мне понятны ваши устремления...»¹⁷.

Но больше было тех, кто сочинение Хо Куи Ли резко осудил, имея на то свои причины. Как сказано в романе, самым ярким противником сочинения Хо Куи Ли опять-таки стал преподаватель Школы Сынов Отечества Доан Суан Лой. По прочтении «Минь Дао» он снова написал императору Чан Нге Тону послание, в котором обвинил автора сочинения в том, что, критикуя древних, Конфуция, Чжу Си и проч., выдвигая свои реформаторские идеи, идущие вразрез с древними порядками, тот слишком много на себя берет, действует не по чину, сеет хаос и тем самым еще больше усугубляет положение в стране, за что его надо примерно наказать в назидание потомкам. И опять после прочтения этого послания Хо Куи Ли огорчает узость и робость мышления представителей вьетнамского конфуцианства,

для которых книги совершенномудрых превратились из «золотых дворцов» в «тюрьму»¹⁸.

Особую позицию по отношению к «Минь Дао» имеет в романе «правильный» конфуцианец, летописец Шы Ван Хоа. В ответ на сочинение Хо Куи Ли он пишет «Рассуждение о Минь Дао» (Minh Đạo luận), в котором признавая необходимость изменений в стране для ее дальнейшего развития, также критикует Хо Куи Ли. Но объектом его критики становятся не нападки Хо Куи Ли на конфуцианство и конфуцианцев, а, прежде всего, его нападки на буддизм. Он пишет, что расцвет и упадок — естественные, постоянно сменяющие друг друга этапы в развитии любой страны. Вьетнам пережил период затяжного упадка в эпоху северной зависимости, но сумел сохранить «душу страны» (hồn nước)¹⁹, которая начала крепнуть при правителях независимой страны Нго Куйене (939—944), Динь Бо Лине (968—979), Ле Дай Хане (980—1005). Затем династия Ли, достигнув расцвета, постепенно пришла в упадок. И то же происходит с династией Чан. Поэтому изменения нужны, но только если они во благо для «души страны». «Душа» же Дайвьета, его гор и рек, — это суверенитет страны, это благополучие его народа, это культура (văn hiến), доведенная до каждого дома, до каждого человека. Однако нападки Хо Куи Ли на буддизм, насильственное возвращение в мир монахов, умирание деревенских пагод, ... этому противоречат. Шы Ван Хоа пишет: «В Минь Дао должны гармонично сочетаться инь и ян. Конфуцианство — это ян души страны, а буддизм — инь»²⁰. По его мнению, буддизм дал стране и народу много хорошего. Пагоды и просвещали, и врачевали души людей от бед. А отдельные конфуцианцы, такие как Ле Куат или Чьонг Хан Шиеу (XI в.), нападали на буддизм от недалекого ума, замечая в нем только плохое и не видя хорошего. Кроме того, если опираться только на конфуцианство, то будет крен в сторону ян. «А ян — это твердость, это поспешность, это чрезмерность»²¹, говорит Шы Ван Хоа, которые не знают мягкости и снисходительности, и потому ведут к жестокости, кровопролитию и упадку.

Взаимоотношения Хо Куи Ли и консервативного конфуцианства хорошо характеризует знаковый эпизод со сном. Однажды Хо Куи Ли вызывает к себе Шы Ван Хоа, который славился сво-

им умением толковать сны, чтобы тот объяснил ему значение одного странного и страшного сна. В своем сне он издали увидел какого-то человека, стоящего на верхнем этаже дворца, где имели право появляться только высокопоставленные придворные. Однако одежда этого человека по цвету не соответствовала ни одному из девяти, даже низших, чиновничьих рангов²². Хо Куи Ли очень удивился. Но когда он спросил незнакомца, кто он, тот не обратил на него никакого внимания. Хо Куи подошел ближе и, задрав голову вверх, постарался разглядеть его лицо. Человек же взял и повернулся к нему спиной. Тогда Хо Куи Ли крикнул, что велит, чтобы ему отрубили голову. Только после этого, человек обернулся. Лицо его было покрыто белой известкой, а на нем выделялись ярко красные губы, из которых устрашающе выступали зубы. Хо Куи Ли испугался, закричал и проснулся.

Прежде чем растолковать сон, кстати, не без опасения за собственную жизнь, Шы Ван Хоа сказал Хо Куи Ли, что в этом сне заключена правда, которую совесть Хо Куи Ли хочет скрыть от других людей и от самого себя, в том числе. Толкование же его было следующим. Белолицый человек из сна символизировал образованное сословие. А то, что Хо Куи Ли смотрел на него снизу вверх, означало, что обычно сам Хо Куи Ли смотрел на образованных сверху вниз. Потому что считал их «слишком посредственными и глупыми, и действительно пренебрегал ими, ненавидел и даже противопоставлял себя им»²³. По мнению Шы Ван Хоа, сон должен был помочь Хо Куи Ли исправиться, вернуть образованных на должную высоту. То же, что во сне он увидел представителя образованного сословия, свидетельствует, что Хо Куи Ли постоянно думает об этих людях, а то, что человек повернулся к нему спиной, говорит о несогласии этих людей с Хо Куи Ли по многим вопросам.

После этого Хо Куи Ли спросил Шы Ван Хоа, сколько, по его мнению, ученых мужей в Тханглонге его поддерживают. Шы Ванг Хоа смело ответил, что почти все им недовольны, и посоветовал прекратить строить новую столицу. Так как лично он по-прежнему считал, что для удачного месторасположения столицы «Главное — высокая нравственность (Đức), а не труднодоступное место»²⁴.

Эти слова привели Хо Куи Ли в ярость: «Что? Остановить перенос столицы? Ни за что! И что это за фальшивая фраза «Главное — высокая нравственность, а не труднодоступное место»? Как я могу остаться здесь? Где полно преданных тупиц, которые только и знают, что вкрадчиво разглагольствовать о «правильном правлении» (vương đạo), а на самом деле продажны и полны коварных замыслов, чтобы, как можно дольше, продлить состояние застоя в стране? Даже вы, человек, которого все почитают за благородного летописца (người chép sử quân từ), человек, обеспокоенный упадком страны, и вы с ними заодно?»²⁵.

Причины неприятия «Минь Дао» со стороны большинства конфуцианского сообщества назвал отцу и его старший сын, Нгуен Чынг. Между ними произошел следующий разговор:

Сын: «Я думаю, что интересна та книга, которая вызывает споры. Ваша книга, отец, именно такова. Вы первый в нашей стране, кто осмелился подвергнуть анализу Конфуция. Конфуций — солнце учения «образованных» (Đạo Nho). Но ведь солнце обсуждают, поэтому и Вашу книгу следует обсуждать».

Отец: «Скажи яснее, что ты о ней думаешь?»

Сын: «Ваше сочинение — это «программа реформ» (biện pháp).

Отец: «Плохих или хороших?»

Сын: «Когда Куан Чонг проводил реформы, Ты Ло и Ты Конг их осудили, а Конфуций всячески превозносил, потому что Куан Чонг принес прогресс (văn hiến). Реформы Тхыонг Ыонга и Ли Ты также частично удались, но потомки их осудили, потому что простые люди от них сильно пострадали».

Отец: «Но я не Тхыонг и не Ли. Разве я сжигаю конфуцианские книги? Я пишу книги, проповедую добродетель, несу образование вплоть до отдельных деревень. Я хочу добиться прогресса...»

Сын: «Но ваше учение пренебрегает понятием «преданность» (trung).

Отец: «Верно. Но Куан Чонг не ушел из жизни вслед за принцем Ку, а напротив, стал поклоняться Те Хоан Конгу, врагу принца Ку, который был просвещенным правителем».

Сын: «В Вашей книге говорится о переменах, но эти перемены слишком поспешные. В этом весь вопрос».

Отец: «В чем же здесь вопрос?»

Сын: «Конфуций хотел, чтобы в стране каждый человек занимался своим делом. Народ занимался делами народа, чиновники — делами чиновников, а правители делами правителей. И не допускал, чтобы нижестоящие обсуждали дела вышестоящих. Вы, отец, чиновник, а позволяете себе обсуждать дела правителей и даже оценивать слова самого Конфуция. Желая все делать быстро, вы не идете по стопам древних. Вы нарушили «правило соответствия названия сущности вещей» (*chính danh*). И тем самым вызвали недовольный ропот служилого люда. Желанием все делать быстро объясняются и Ваши методы проведения реформ. Простые люди хотят только сытно есть и сладко спать. Вы же то издаете указ о бумажных деньгах, то вводите ограничения на зависимых крестьян, то проводите перепись населения, то организуете тайный сыск... А чиновники всем этим злоупотребляют. Отец! Послушайте меня. Я Вам прямо скажу: народ не с вами».

Отец: «Ну, ну! Успокойся, сын. Я знаю, что многое из того, что ты говоришь, верно. Но в твоих словах есть один существенный недостаток: ты не учишься, насколько наша страна сейчас в хаосе. Необходимы изменения, необходимы перемены. Само собой, это сопряжено с жестокостью, со страданиями, но я постараюсь, чтобы посыпалось как можно меньше голов и пролилось как можно меньше крови. Сейчас меня беспокоит только одно: китайцы стали поглядывать в нашу сторону. Они окрепли, у них покой и порядок, а у нас в стране полный раздор. Дела не окончены, а народ пассивен. Я молю Небо, чтобы оно дало мне еще два десятка лет... Сын, очнись, наконец! Не будь таким слабаком! Нужно еще только 20 лет и я создам новое поколение служилых людей. А нынешние гнилые конфуцианцы к тому времени умрут. Чего же бояться, что не все меня сейчас поддерживают?»²⁶.

Поначалу противником Хо Куи Ли, мечтающим убить врага, является и Фам Шинь, ведь по его вине погиб его отец, предводитель восстания, монах Фам Шы Он и пострадали некоторые другие персонажи романа. Более того, перед смертью во время казни отец призвал сына отомстить за него. Все это привело Фам Шиня к мысли, что «...именно Хо Куи Ли принес все стра-

дания на землю Дайвьета»²⁷. Но постепенно, после прочтения «Минь Дао» и личного общения с Хо Куи Ли, наряду с ненавистью, в нем родилось и восхищение этим безусловно коварным и жестоким человеком, который в тоже время осмеливается иметь гигантские и дерзновенные замыслы. Непосредственно вовлеченный в круг заговорщиков против Хо Куи Ли, он, в конце концов, принимает решение отойти в сторону, предпочесть личное, хоть и бесприютное, счастье с любимой карьере оскотеленного приближенного Хо Куи Ли, на которого может быть возложена миссия быть «человеком Хо Куи Ли» при китайском дворе. Но происходит это не без влияния летописца Шы Ван Хоа. Тот, много настрадавшийся от Хо Куи Ли за правду, рассказал Фам Шиню, как противники Хо Куи Ли во главе с Чан Кхат Тяном предложили ему написать клеветническую книгу про Хо Куи Ли, да такую, чтобы «имя Хо Куи Ли стало черным пятном в исторических трудах»²⁸. Шы Ван Хоа очень удивился и сказал, что для конфуцианца при написании книги самое главное — это правда, потому что клевета навредит не столько оклеветанному, сколько клеветнику. А когда Чан Кхат Тянь заметил, что чтобы показать свою преданность (*trung hiếu*) правящему дому и уничтожить врага, все средства хороши, Шы Ван Хоа от предложения отказался. Фам Шиню он сказал, что, хотя Хо Куи Ли ему и не нравится, но, по его мнению, еще не настало время хвалить его или хулить. Ведь главное — правильно понимать истинные нужды страны (*hồn nước*). Он не знает, кто в этой схватке прав, а кто нет, кто через поколения окажется победителем, а кто побежденным, но то, что страна нуждается в переменах, очевидно²⁹.

Таким образом, писатель показывает в романе как реформаторские силы, так и антиреформаторские. Но, как бы разделяя позицию Фам Шиня и Шы Ван Хоа, окончательную оценку Хо Куи Ли не дает. И несмотря на то, что роман кончается на вроде как победе Хо Куи Ли над своими противниками, ведь ему удастся раскрыть заговор, предотвратить свою смерть и уничтожить врагов, предчувствие будущего краха Хо Куи Ли витает над страницами романа. Это чувствует и сам Хо Куи Ли, потому что, как конфуцианец, понимает, что его стремление узурпиро-

вать власть не правильно и по определению не может пользоваться поддержкой в стране. Мысли о том, что он не верен правящей династии, не верен Чан Нге Тонгу, который поверил ему и привел к вершинам власти, постоянно терзают Хо Куи Ли.

Однажды ему снится кошмар, в котором он встречается с уже умершим императором Нге Тонгом, читающим трактат Хань Фэя, китайского философа III в. до нашей эры и идеолога реформ. Сам Хо Куи Ли знает эту книгу почти наизусть. И между ними происходит разговор о власти следующего содержания. Нге Тонг говорит, что, хотя эта книга и предназначена для правителей, но мудрецы не советуют ее читать, потому что она проповедует «неправильное правление» (bá Đạo). А он читает и, благодаря этому лучше понимает Хо Куи Ли. Дальше Нге Тонг спрашивает, что по мнению Хо Куи Ли в книге самое важное, и тот отвечает, что она хорошо учит, как правителю удержать трон, но при этом в ней упущен один важный момент: «Когда страна загнивает, когда она насквозь проедена сотнями червей, когда умершими от голода крестьянами завалены все дороги, когда простые люди нещадно эксплуатируются, а им некому пожаловаться, когда талантливые люди уходят в отшельники, когда существует угроза извне и повсюду орудуют грабители, то что в такой ситуации надлежит делать благородному мужу?» На это Нге Тонг отвечает, что существуют разные способы поведения в подобной ситуации: например, кто-то всеми силами сохраняет верность государю, а кто-то радуется и сбивается в «дьявольские стаи», чтобы предать старого правителя и основать новую династию. Понимая, что речь идет о нем и чтобы оправдаться, чтобы объяснить свое поведение Нге Тонгу, Хо Куи Ли говорит императору: «У меня не было другого выхода. Я очень Вас ценю и очень Вам благодарен. Благодаря дружбе с Вами, я стал тем, чем я являюсь сегодня. Но когда дело разваливается, когда чиновники сплошь вымогатели, когда у дома Чан не осталось ни одного крупного таланта, когда все надо перелопатить, чтобы посеять новые семена, то приходится пренебречь всеми великими заслугами дома Чан перед Дайвьетом; необходимо перешагнуть через это. И народ тоже должен пережить перемены... Это болезненно!

Это жестоко! Но у меня не было другого выхода... Я вынужден был нарушить клятву верности Вам»³⁰.

Хо Куи Ли переживает и сомневается, но упорно идет к цели. В разговоре со старшим сыном он говорит: «Более 100 лет Дайвьет был могущественным государством. И это великая заслуга дома Чан. Но сейчас династия прогнила и заслуживает того, чтобы быть низвергнутой. В настоящий момент я единственный человек, который легко может это сделать. Но смогу ли я также легко поколебать и глубокую благодарность народа дому Чан?»³¹. По тем же причинам скорый крах предвещает Хо Куи Ли и поверженный Чан Кхат Тян, один из лидеров антихокуилистов. Перед казнью Хо Куи Ли говорит ему, что хотя и признает, что он герой, но не может помиловать. На что Чан Кхат Тян отвечает: «Я понимаю... Вы тоже умный человек ... но я думаю, что, в конце концов, вас ждет та же участь, что и меня. <... > Да, Вам удалось построить великий, каменный город, но вы не сможете построить такой же в сердцах людей»³².

Подводя итоги, можно сказать, что хотя Нгуен Суан Кхань и не дает окончательную оценку деятельности Хо Куи Ли, он тем не менее в своем романе поддерживает саму идею необходимости реформ для успешного существования страны, а главную причину неудач реформатора видит в непонятности, и, как следствие, в отсутствии широкой поддержки в обществе, которые в результате превратили личную трагедию Хо Куи Ли в трагедию всего вьетнамского народа, поскольку привели к завоеванию Дайвьета Минским Китаем.

Очевидно, что, благодаря этому, содержание романа, его пафос оказались очень созвучны тем переменам, которые охватили Вьетнам с конца 80-ых годов XX в. И хотя вьетнамское «Обновление» не выдвинуло идеолога и практика реформ, подобного Хо Куи Ли, однако «переключка эпох» оказалась своевременной и уместной.

Примечания

¹ Нгуен Суан Кхань (Nguyễn Xuân Khánh), писатель, переводчик, журналист, родился в 1933 г. в Ханое. В 1951—1952 гг. учился в ханойском Медицинском институте. Затем ушел в Народную армию, прини-

мал участие в Войне Сопротивления против французов. С конца 1959 г. работал корреспондентом в журнале «Литература и искусство армии» (Văn nghệ quân đội), в 1965 г. перешел в газету «Пионер» (Thiếu niên tiền phong). С 1983 г. на пенсии. Литературным творчеством начал заниматься с 1957 г. Однако в дообновленческий период вышел всего один сборник его рассказов: «Глубоко в лесу» (Rừng sâu, 1963). Другие произведения писателя увидели свет лишь в эпоху реформ. В 1990 г. был опубликован, причем под псевдонимом, роман «Воображаемая земля» (Miền hoang tưởng), написанный еще в 1971 г., а в 1993 г. вышла книга из серии «литературные портреты» «Жорж Санд, писательница любви» (George Sand — Nhà văn của tình yêu).

² См., например, «Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уединения» и «Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток» в сборнике средневековых вьетнамских новелл «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы // *Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном*. Ханой, 1981.

³ *Нгуен Суан Кхань*. Хо Кюи Ли. Ханой, 2002. С.15—16 (Nguyễn Xuân Khánh. Hồ Quý Ly. Hà Nội, 2000. Tr. 15- 16).

⁴ Там же, с. 101.

⁵ Там же, с. 571.

⁶ Там же, с. 33.

⁷ См. перевод этого предания в кн. Кнорозова Е.Ю. «Мифы и предания Вьетнама». Санкт-Петербург, 2000. С.80.

⁸ Нгуен Суан Кхань, с. 56.

⁹ Лис-оборотень — популярный персонаж китайской фольклорной и авторской литературы. Встречается и во вьетнамской литературе. См., например, «Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток» в сборнике средневековых вьетнамских новелл «Пространные записи рассказов об удивительном» Нгуен Зы // *Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном*. Ханой, 1981.

¹⁰ Нгуен Суан Кхань, с. 370.

¹¹ Цит. по: *Никитин А.В.* Универсальные характеристики традиционной вьетнамской мысли // *Универсалии восточных культур*. Москва, 2001. С.249.

¹² Нгуен Суан Кхань, с. 478.

¹³ Там же, с. 478.

¹⁴ Там же, с. 479.

¹⁵ Там же, с. 492.

¹⁶ Там же, с. 482.

¹⁷ Там же, с. 482.

¹⁸ Там же, с. 490.

¹⁹ «Душа страны» (hồn nước, в более китаизированном варианте quốc hồn), под которой понимается «национальный дух, национальное самосознание» — важное и несколько раз встречающееся в романе понятие. Происхождение и смысловое наполнение его требуют изучения. Сейчас можно сказать, что оно часто встречается в патриотической вьетнамской литературе начала XX в. В пример можно привести известные стихотворные произведения «Воззвание к душе страны» (Kêu hồn nước) представителя Тонкинской общественно-просветительной школы (1907) Нгуен Куйена (Nguyễn Quyền, ?—1941) или, скажем, «Пробуждение души страны» (Tỉnh quốc hồn sa) одного из идейных лидеров антифранцузского движения Фан Тю Чиня (1872—1926).

²⁰ Нгуен Суан Кхань, с. 540.

²¹ Там же, с. 540.

²² При династии Чан желтый цвет предназначался императорам, чиновники первого ранга носили одежду фиолетового цвета, второго ранга — ярко красного цвета, третьего ранга — бледно красного цвета, четвертого, пятого, шестого и седьмого — бирюзово-голубого цвета, а восьмого и девятого рангов — зеленого цвета. См. Нгуен Суан Кхань, с. 545.

²³ Нгуен Суан Кхань, с. 548.

²⁴ Там же, с. 549.

²⁵ Там же. С. 549—550. «Вьонг Дао» предполагает гуманное, ненасильственное правление. Противопоставляется «ба Дао», то есть правлению, основанному на насилии.

²⁶ Там же. С. 484—486.

²⁷ Там же. С. 606.

²⁸ Там же. С. 659.

²⁹ Там же. С. 659—661.

³⁰ Там же. С. 476.

³¹ Там же. С. 104.

³² Там же. С. 821.